Издательство Грамота

Манускрипт • Manuscript

ISSN 2949-3242 (online)
ISSN 2618-9690 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): manuscript-journal.ru

RU

КПРФ в конкурентной борьбе с альтернативными компартиями (ВКПБ, РКРП, РПК) на рубеже 1990-х годов

Майоров Г. А., Костриков С. С.

Аннотация. Цель исследования – выявить механизмы и этапы конкурентной борьбы Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ) с альтернативными коммунистическими организациями – Всесоюзной коммунистической партией большевиков (ВКПБ), Российской коммунистической рабочей партией (РКРП), Российской партией коммунистов (РПК) – за организационное, символическое и электоральное лидерство на левом фланге российской политики в 1990 – начале 2000-х годов. В статье на основе делопроизводственной документации личного фонда В. И. Зоркальцева (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 813) в сочетании с материалами фонда КПРФ (РГАСПИ, ф. 665), коллекции копий, рассекреченных для Конституционного Суда (Российский государственный архив новейшей истории, ф. 89), фонда Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ (Государственный архив Российской Федерации, ф. 10026) и Архива Президентского центра Б. Н. Ельцина (ф. 7), а также с опубликованными партийными документами, официальной электоральной статистикой и справочно-аналитическими изданиями 1990-х годов прослежены четыре этапа соперничества: размежевание платформ внутри КПСС и КП РСФСР, расхождение стратегий после указов 1991 года, электоральная асимметрия 1993-1996 годов и оформление «коммунистической многопартийности» как предмета партийного решения в 1997-1999 годах. Научная новизна работы состоит в том, что конкуренция преемников КПСС впервые реконструирована как целостный исторический сюжет изнутри партийного делопроизводства, а не описана в категориях идеологической эволюции. В результате исследования установлено, что исход соперничества зависел не столько от идейной полемики, сколько от распределения четырех ресурсов – правопреемства, организационной сети, парламентского представительства и доступа к избирательным процедурам, – а также от изменения правовой рамки партийного строительства на рубеже 1990-2000-х годов. Выявлено также, что отношения сторон не сводились к противостоянию и включали совместное участие в «деле КПСС», переговоры о поддержке единого кандидата в 1996 году и взаимный обмен программными материалами.

EN

The Communist Party of the Russian Federation in competition with alternative communist parties (the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Russian Communist Workers' Party, the Russian Party of Communists) at the turn of the 1990s

G. A. Mayorov, S. S. Kostrikov

Abstract. The aim of the study is to identify the mechanisms and stages of the competition between the Communist Party of the Russian Federation (CPRF) and alternative communist organizations – the All-Union Communist Party of Bolsheviks, the Russian Communist Workers' Party, and the Russian Party of Communists – for organizational, symbolic and electoral leadership on the left flank of Russian politics from 1990 to the early 2000s. Drawing on the records of the personal collection of V. I. Zorkaltsev (Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), fund 813) together with materials from the CPRF fund (RGASPI, fund 665), the collection of copies declassified for the Constitutional Court (Russian State Archive of Contemporary History, fund 89), the fund of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation (State Archive of the Russian Federation, fund 10026), and the Archive of the Boris Yeltsin Presidential Centre (fund 7), as well as published party documents, official electoral statistics

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/mns20260281

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

and reference publications of the 1990s, the article traces four stages of the rivalry: the divergence of platforms within the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) and the Communist Party of the RSFSR, the parting of strategies after the decrees of 1991, the electoral asymmetry of 1993-1996, and the formalization of "communist multi-party pluralism" as a matter for party decision in 1997-1999. The scientific novelty lies in reconstructing the competition among the successors of the CPSU as an integral historical narrative from within party record-keeping, rather than describing it in terms of ideological evolution. It is established that the outcome of the rivalry depended less on ideological polemics than on the distribution of four resources – legal succession, the organizational network, parliamentary representation, and access to electoral procedures – as well as on the change in the legal framework of party-building at the turn of the 1990s and 2000s. It is also established that relations between the parties were not reducible to confrontation and included joint participation in the "CPSU case", negotiations on supporting a single candidate in 1996, and a mutual exchange of program documents.

Введение

В связи с распадом однопартийных систем в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве перед историками встал вопрос, который выходит далеко за рамки политической конъюнктуры: каким образом бывшая правящая партия, если она лишилась монополии, государственного статуса и материальной базы, воспроизводит себя в условиях политической конкуренции. Судя по опыту последней четверти XX века, этот процесс почти нигде не был линейным. Единую партийную организацию десятилетиями удерживал не столько идейный консенсус, сколько административное принуждение, и при устранении внешнего каркаса она распадалась на несколько течений, каждое из которых претендовало на статус подлинного наследника. Конкуренция между такими наследниками составляла существенную часть политической истории переходного периода, но в отечественной науке она долгое время оставалась на периферии внимания.

Российский случай отличался от восточноевропейских рядом обстоятельств. Здесь распад правящей партии совпал по времени с распадом самого государства, а прекращение деятельности Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) и Коммунистической партии РСФСР (КП РСФСР) было оформлено не решением партийного форума, а актами исполнительной власти – указами Президента РСФСР от 23 августа, 25 августа и 6 ноября 1991 года (Постановление КС РФ, 1993). В условиях возникшей правовой неопределенности сложилось специфическое явление, которое современники обозначили как «коммунистическую многопартийность»: на протяжении нескольких лет в стране одновременно действовали организации, которые поразному отвечали на вопрос о преемственности с КПСС, – Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ), Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), Российская партия коммунистов (РПК), Союз коммунистов, Социалистическая партия трудящихся (СПТ), а с февраля 1993 года – и Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ). К концу десятилетия лидерство в этом множестве закрепилось за одной организацией, тогда как остальные перешли в разряд периферийных.

Проблема исследования заключается в том, что механизм такого отбора до сих пор описан преимущественно в политологической оптике – через категории идеологической эволюции, электоральных ниш и институционального дизайна. В историографии вопроса можно выделить три группы работ. Первую составляют исследования, выполненные по горячим следам событий в 1990-е – начале 2000-х годов. Ю. Г. Коргунюк (1999) и С. Е. Заславский (Коргунюк, Заславский, 1996) зафиксировали картину складывавшейся многопартийности и предложили классификацию партий по идейно-политическим семействам, в которой коммунистические организации рассматривались как самостоятельная группа. Монография С. Ф. Черняховского (2003) о противоречиях внутри коммунистической оппозиции остается, по существу, единственным специальным историческим изложением судьбы организаций-преемниц КПСС после августа 1991 года. Зарубежные исследователи рассматривали становление КПРФ в сравнительной перспективе посткоммунистических партий и уже тогда обращали внимание на соперничество за общий резерв коммунистических активистов (Urban, Solovei, 2021, p. 37-64; March, 2002). Вторую группу образуют работы 2000-2010-х годов о партийной системе в целом, где коммунистический фланг рассматривается как часть процесса институционализации многопартийности (Шутов, 2013; Абзалбеков, 2017). В них показано, что роль идеологического фактора снижалась по мере укрепления новых институтов, а КПРФ и РКРП относились к тем парам партий, которые боролись за один и тот же электорат и потому подчеркивали различия своих платформ (Лебедев, 2006); место КПРФ и малых компартий в политической жизни 1993-2004 годов рассмотрено в диссертационном исследовании Р. Р. Гизатулина (2006). Третья группа – исследования последних лет, в которых тема разрабатывается на архивной основе. Это работы о департизации и правовом положении партий (Волгин, 2014; 2017; 2022), об антикоммунистической политике начала 1990-х годов (Мочалов, Магомедов, 2023; Мочалов, 2024), об ортодоксальном фланге коммунистического движения (Стожек, 2024; Сергеев, Кузнецова, 2022), о роли лидерского фактора в трансформации КПРФ (Фадеева, Думлер, 2023), а также об отношениях КПРФ с компартиями бывших союзных республик (Майоров, 2026). Подводя итог состоянию изученности темы, Д. П. Мочалов (2025, с. 28) отмечает, что для литературы характерны «зацикленность» на КПРФ, слабая опора на партийное делопроизводство и невнимание к радикальному флангу как самостоятельному субъекту. Таким образом, историческая реконструкция самого процесса конкуренции, которая опиралась бы на внутреннюю документацию партий

и проверялась бы независимыми от нее источниками, остается фрагментарной. Актуальность разработки темы связана, во-первых, с накоплением новых архивных комплексов, которые отложились в федеральных архивах и до сих пор лишь частично введены в научный оборот, и, во-вторых, с необходимостью объяснить, почему организационное единство коммунистического движения, о котором в 1990-е годы говорили все его участники, так и не было достигнуто.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить исходные условия размежевания коммунистических сил внутри КПСС и КП РСФСР в 1990 – августе 1991 года;
- проследить, как запрет КПСС и КП РСФСР и последующее разбирательство в Конституционном Суде РФ повлияли на расстановку сил;
- выявить стратегии КПРФ по отношению к конкурентам в 1993-1996 годах;
- проанализировать оформление проблемы «коммунистической многопартийности» в качестве предмета партийного решения в 1997-1999 годах;
- оценить итоги конкуренции к началу 2000-х годов.

Методологическая основа – принципы историзма, объективности и системности; применены проблемно-хронологический метод (выделение последовательных этапов конкурентной борьбы КПРФ с альтернативными компартиями), историко-генетический (прослеживание происхождения размежевания из внутрипартийных платформ 1990 года) и сравнительно-исторический (сопоставление программных и тактических установок организаций-конкурентов). Применены также приемы источниковедческого анализа: документы фонда В. И. Зоркальцева рассматривались с учетом их видовой природы, а проекты постановлений, аналитические записки и справки разграничивались с принятыми решениями. Сведения делопроизводственных материалов проверялись методом перекрестной верификации, то есть сопоставлялись с опубликованными партийными документами, официальной электоральной статистикой, нормативными актами и справочно-аналитическими изданиями, созданными независимо от фонда. Для оценки соотношения сил применен количественный анализ итогов выборов в Государственную Думу 1993, 1995 и 1999 годов.

Источниковая база включает четыре группы источников. Основу составляют делопроизводственные материалы личного фонда В. И. Зоркальцева (РГАСПИ, ф. 813), заместителя председателя Центрального исполнительного комитета (ЦИК) КПРФ и председателя профильного комитета Государственной Думы в сочетании с документами фонда КПРФ (РГАСПИ, ф. 665), коллекции копий, которые рассекретили для Конституционного Суда (РГАНИ, ф. 89), фонда Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ (ГА РФ, ф. 10026) и фонда Архива Президентского центра Б. Н. Ельцина (АПЦ, ф. 7). Вторую группу образуют опубликованные документы, в том числе постановление Конституционного Суда РФ по «делу КПСС» и материалы этого дела, программы КПРФ, ВКПБ, РКРП и Союза коммунистических партий – КПСС (СКП-КПСС), резолюции съездов и пленумов КПРФ. К третьей группе относятся официальная электоральная статистика Центральной избирательной комиссии Российской Федерации по выборам в Государственную Думу 1993, 1995 и 1999 годов и Федеральный закон «О политических партиях» 2001 года. Четвертая группа – справочно-аналитические издания 1990-х годов, подготовленные на основе партийной печати, материалов публичных мероприятий и базы данных «Лабиринт» информационно-экспертной группы «Панорама» (Левые в России, 1997). Третья и четвертая группы созданы независимо от фонда В. И. Зоркальцева и потому используются для проверки содержащихся в нем сведений.

Практическая значимость состоит в возможности использования предложенной периодизации конкурентной борьбы и выделенных факторов ее исхода при подготовке обобщающих трудов по политической истории России 1990-х годов и в вузовских курсах новейшей отечественной истории.

Обсуждение и результаты

Размежевание, которое в 1991-1992 годах привело к появлению нескольких компартий-конкурентов, началось внутри еще единой организации, и по документам его можно проследить задолго до формального распада. Судя по материалам XXVIII съезда КПСС (2-13 июля 1990 года), дискуссия велась одновременно в нескольких плоскостях: о программном документе «К гуманному, демократическому социализму», об уставных нормах, о фракционных «платформах» (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 47). В стенограммах секционных заседаний – «Партия, Советы, общественно-политические организации и движения» и «Обновление партии» – сохранилось более сотни выступлений, в которых столкнулись несовместимые представления о будущем партии (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 51, 53). Параллельно шел процесс учреждения республиканской организации: в бюллетенях Российской партийной конференции, которую 20 июня 1990 года преобразовали в Учредительный съезд Компартии РСФСР, сохранилась последовательная запись обсуждения самой процедуры конституирования, выборов первого секретаря и формирования руководящих органов (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 818-827).

Особенно ценны для понимания исходной конфигурации неправленые стенограммы встреч с учеными в Центральном комитете (ЦК) КП РСФСР 4 и 5 октября 1990 года. С докладами и репликами там выступили А. А. Пригарин, М. В. Попов, А. В. Бузгалин, Р. И. Косолапов, И. П. Осадчий (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 57, 58). Через год эти люди окажутся в разных, зачастую враждебных друг другу организациях: Пригарин возглавит Союз коммунистов и затем Российскую коммунистическую партию – КПСС (РКП-КПСС), Попов и Косолапов войдут в идейное ядро РКРП, Бузгалин будет представлять Марксистскую платформу, Осадчий станет одним

из организаторов КПРФ. Осенью 1990 года они еще работали в общей аудитории и на общей терминологической основе. Это наблюдение существенно: истоки последующей конкуренции лежат не во встрече разных традиций, а в расхождении внутри одной; отсюда особая ее острота и специфический характер полемики, где спор шел не о целях, а о праве говорить от имени общего наследия. К этому же этапу относится и появление идейных разграничительных линий: организационными предшественниками будущих ортодоксальных партий были Объединенный фронт трудящихся, Движение коммунистической инициативы, общество «Единство» и Большевистская платформа в КПСС, которые критиковали руководство одновременно и с антирыночных, и с антиреформаторских позиций (Стожек, 2024, с. 208). Справочные издания 1990-х годов, независимые от фонда, подтверждают эту генеалогию: РКРП выросла из Движения коммунистической инициативы, РПК и Союз коммунистов – из двух течений Марксистской платформы, разошедшихся на ее августовской конференции 1991 года из-за проекта программы-минимум А. А. Пригарина, а ВКПБ – из Большевистской платформы и общества «Единство» (Левые в России, 1997, с. 100-103).

После указов 1991 года расхождение платформ приобрело характер институционального разделения. Приостановление деятельности КП РСФСР (23 августа), меры в отношении имущества (25 августа) и прекращение деятельности КПСС и КП РСФСР (6 ноября) сопровождались, судя по пометам на экземплярах указов из фонда Зоркальцева, немедленной юридической проработкой (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 68-70). Здесь и произошло первое стратегическое расхождение. Ортодоксальный фланг избрал путь немедленного учреждения новых организаций: ВКПБ была образована 8 ноября 1991 года в Ленинграде, РКРП – в ноябре 1991 года в Екатеринбурге на базе Движения коммунистической инициативы, РПК – 14-15 декабря 1991 года в подмосковном Железнодорожном на базе части Марксистской платформы (Левые в России, 1997, с. 101-103). Группа бывших руководителей КП РСФСР, напротив, сделала ставку на судебное восстановление правопреемства и 27 декабря 1991 года направила в Конституционный Суд ходатайство народных депутатов (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 71). Часть партийного актива на время ушла в СПТ, федеральный совет которой прямо оговаривал возможность восстановления КП РСФСР в случае отмены указов (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 134).

Последствия этого различия оказались далеко идущими. Новые партии получили полтора года организационного преимущества и заняли уличное пространство: именно они, а не будущая КПРФ, были основной силой массовых протестов 1992 года, на которые, по оценкам аппарата Президента, приходили десятки тысяч участников (АПЦ, ф. 7, оп. 1; Стожек, 2024, с. 212). Сторонники же легального восстановления приобрели нечто недоступное конкурентам – статус наследника, который подтвердил суд. Сложную комбинацию союзничества и соперничества можно видеть в ходе самого «дела КПСС», которое слушалось в Конституционном Суде с июля по ноябрь 1992 года: в заседаниях участвовали и представители будущей КПРФ (Г. А. Зюганов, В. А. Купцов, И. И. Мельников), и лидер РПК А. В. Крючков (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 105; Материалы дела, 1996-1997). Общественное объединение «В защиту прав коммунистов» сводило вместе юристов и депутатов вне партийных границ (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 113, 116). Постановление от 30 ноября 1992 года, которым роспуск первичных территориальных организаций признан неконституционным, стало общей победой, но воспользовалась ею одна сторона: 13-14 февраля 1993 года II чрезвычайный (объединительно-восстановительный) съезд провозгласил возобновление деятельности партии под наименованием КПРФ, а весной того же года партия прошла государственную регистрацию (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 155; Постановление КС РФ, 1993; КПРФ в резолюциях, 2006).

С 1993 года конкуренция переместилась в электоральную и организационную плоскости, где асимметрия ресурсов быстро стала определяющей. КПРФ унаследовала территориальную сеть первичных организаций – единственный элемент прежней структуры, который уцелел по решению суда, – и на этой основе смогла выступить на выборах 12 декабря 1993 года, получив 12,4% голосов по спискам (Бюллетень ЦИК, 1994). Альтернативные партии в федеральной кампании не участвовали: после событий сентября-октября 1993 года РКРП оказалась в числе запрещенных организаций и, как и другие радикальные компартии, взяла курс на бойкот выборов (Левые в России, 1997, с. 102). В результате они остались вне парламента. Судя по аналитическим материалам фонда, в КПРФ вопрос о блоковой тактике прорабатывался заранее и системно: в записке «Перспектива и возможные варианты формирования выборных блоков с участием КПРФ» рассмотрены конфигурации союзов еще до дня голосования (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 161). Одновременно решался вопрос о позиционировании в общесоюзном формате: пленум ЦИК КПРФ 29 мая 1993 года специально обсуждал отношение к СКП-КПСС (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 699), поскольку контроль над «союзной» вертикалью также был предметом соперничества, в том числе с группой А. А. Пригарина, которая в 1994 году попыталась учредить российскую организацию непосредственно внутри Союза, минуя КПРФ (Майоров, 2026, с. 692). Программа, принятая III съездом 22 января 1995 года, закрепила членство КПРФ в Союзе коммунистических партий и назвала его укрепление важнейшим политическим условием воссоздания союзного государства на добровольной основе (Программа КПРФ, 1995; Программа СКП-КПСС, 1995).

Отношение КПРФ к конкурентам наиболее развернуто сформулировано в проекте статьи В. И. Зоркальцева «Налево пойдешь, направо придешь» (июнь 1995 года). Аргументация строится на трех тезисах: малочисленность РКРП, стремление КПРФ к «преодолению многопартийности в коммунистическом движении» и ответ на упреки в использовании парламентских методов и признании многоукладности экономики (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 462). В этих трех тезисах представлена вся структура спора. Оппоненты вменяли КПРФ отказ от классового подхода и врастание в институты нового строя (Программа ВКПБ, 1993; Программа РКРП, 1993); КПРФ отвечала апелляцией к масштабу и к результату. Существенно, что тезис о «преодолении

многопартийности» формулировался как задача самой КПРФ, то есть конкуренты рассматривались не как равные партнеры по коалиции, а как ресурс для поглощения. Сходную характеристику ортодоксального фланга дают исследователи: приверженность советской модели служила для него одновременно источником устойчивой, но узкой социальной базы и препятствием к расширению (Сергеев, Кузнецова, 2022).

Выборами 17 декабря 1995 года завершился первый этап борьбы. КПРФ получила 22,3% голосов и крупнейшую фракцию, тогда как объединенный список конкурентов – блок «Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз», в первую тройку которого вошли В. А. Тюлькин (РКРП), А. В. Крючков (РПК) и В. И. Анпилов («Трудовая Россия»), – набрал 4,53% и не преодолел пятипроцентный барьер (Выборы, 1996). Раздельное участие стало следствием несостоявшихся переговоров: по данным современных событиям наблюдателей, КПРФ предлагала радикальным коммунистам десятую часть мест в своем списке, тогда как те добивались пятой части, в том числе в общефедеральной части списка (Левые в России, 1997, с. 147). Этот результат имел принципиальное значение для дальнейшей конфигурации: совокупный электоральный потенциал альтернативного фланга существовал, но был недостаточен для самостоятельного парламентского представительства. С этого момента для РКРП и РПК рациональной становилась стратегия торга с КПРФ, а не автономного участия.

В ходе президентской кампании 1996 года этот торг приобрел форму письменных соглашений. В фонде отложились проекты заявлений, соглашений и договоров между секретарем ЦК РКРП В. А. Тюлькиным и председателем ЦК КПРФ Г. А. Зюгановым о создании широкой коалиции, об условиях поддержки со стороны РКРП кандидата от КПРФ, о преференциях для РКРП в случае победы и о восстановлении единства коммунистического движения; в том же деле сохранилась сопоставительная таблица «Что разделяет РКРП и КПРФ» (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 168). Сопоставление с независимыми данными позволяет уточнить, чем завершился этот торг. На совещании лидеров оппозиции 13 февраля 1996 года, в котором участвовал и В. И. Зоркальцев, В. А. Тюлькин отказался подписать заявление о выдвижении Г. А. Зюганова единым кандидатом без включения в его программу принципов РКРП; итоговое соглашение двух партий подписали лишь «вторые лица», и требования РКРП в его текст не вошли (Левые в России, 1997, с. 122-124). Следовательно, проекты из фонда отражают переговорные позиции сторон, а не достигнутый результат: для РКРП торг закончился поддержкой единого кандидата почти без встречных уступок. Судя по самому факту составления такой таблицы, стороны стремились не устранить разногласия, а инвентаризовать их и вынести за скобки на время кампании. Параллельно КПРФ выстраивала более широкую конструкцию, которая выходила за пределы коммунистического поля: в записке о «создании широкого фронта оппозиции вокруг единого кандидата» предусмотрены консультации с лидерами левой оппозиции, патриотического движения, руководителями регионов, конфессий и отраслевых профсоюзов (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 164), а 7 августа 1996 года был учрежден Народно-патриотический союз России (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 206). Логика этого шага очевидна: расширяя коалицию за счет национал-патриотических и профсоюзных структур, КПРФ снижала относительный вес коммунистических конкурентов внутри объединения и одновременно давала им место в общей конструкции. Опыт подобных широких объединений был к тому времени уже накоплен: Фронт национального спасения 1992-1993 годов свел в одной структуре коммунистические и национально-государственнические организации, но не пережил политического кризиса осени 1993 года (Тарасова, 2013, с. 344-346). Существенным был и персональный фактор: благодаря способности Г. А. Зюганова формулировать повестку в державно-цивилизационных категориях круг возможных союзников выходил за пределы собственно коммунистического спектра, что для лидеров ортодоксальных партий, которые оперировали преимущественно классовой лексикой, оставалось недостижимым (Фадеева, Думлер, 2023, с. 175).

К 1997-1999 годам отношение к альтернативным компартиям было оформлено как предмет регулярного партийного управления. В документах к совещанию у Г. А. Зюганова (январь-март 1999 года) есть записка «О проблеме коммунистической многопартийности» с сопроводительным письмом первому заместителю председателя ЦК В. А. Купцову и проект постановления ЦК КПРФ «О коммунистической многопартийности» (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 195). Появление проекта постановления принципиально: явление, которое до того обсуждалось в публицистике, переводилось в разряд вопросов, по которым руководящему органу надлежало занять формализованную позицию. Ему предшествовало обобщение регионального опыта – аналитическая записка о работе комиссии по связям с общественными объединениями и справка секретаря Московского городского комитета (МГК) КПРФ Е. В. Доровина об опыте взаимодействия организаций КПРФ с партиями и движениями левой и левоцентристской оппозиции за 1991-1996 годы (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 167).

Конкурентное давление в эти же годы имело и внутреннее измерение. В составе материалов V (внеочередного) съезда КПРФ 22-23 мая 1998 года, наряду с документами об инициативе отрешения Президента РФ от должности, есть обращение члена партии В. П. Нагибина об отсутствии единства взглядов в левом движении и записка Орготдела ЦК «О Петровском Л. Н.» – о критике партийной линии и о попытках раскола изнутри (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 186). К тому же сюжету относятся документы о нарушениях устава Хабаровским крайкомом при исключении из партии В. Е. Цоя (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 173). Таким образом, борьба за «коммунистическое поле» велась одновременно вовне и внутри организации, а граница между «конкурентом» и «раскольником» была подвижной.

Существенным обстоятельством, о котором нередко забывают, была правовая рамка. В. И. Зоркальцев возглавлял в Государственной Думе комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций, и в его фонде сосредоточены материалы о разработке законодательства о партиях – проекты, заключения Правового управления, сценарии парламентских слушаний, переписка с Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 233, 625). Из-за незавершенности законодательного

регулирования на протяжении 1990-х годов (Волгин, 2017, с. 74) в более выгодном положении объективно оказывались крупные организации, способные обеспечить сбор подписей и региональное присутствие. Одновременно КПРФ сама испытывала административное давление: о его характере можно судить по письму департамента Министерства юстиции Российской Федерации (Минюст России) от 16 апреля 1999 года о результатах проверки партии и о направлении материалов в Генеральную прокуратуру – требования законодательства о территориальном принципе построения применялись как инструмент политического давления (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 655; Волгин, 2022, с. 99). На выборах 19 декабря 1999 года прежнее соотношение сохранилось: КПРФ получила 24,29% голосов, блок «Коммунисты, трудящиеся России – за Советский Союз» – 2,22% (Выборы, 2000); судя по аналитическим запискам Центрального штаба избирательного объединения, внутри партии обсуждались уже не конкуренты слева, а региональные разногласия и работа с общественными движениями (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 198, 199).

Об итогах конкуренции можно судить по документам начала 2000-х годов. Программные материалы соперников, которые сохранились в фонде, – документы II съезда ВКПБ 1996 года с дарственной пометой ЦК ВКПБ, программа РКРП-РПК, которую приняли на объединительном съезде 27-28 октября 2001 года, программа партии «Коммунисты трудовой России» 2002 года – свидетельство того, что дробление продолжалось, а его преодоление шло путем слияний (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 1067, 1088, 1116). Завершающим обстоятельством стало вступление в силу Федерального закона «О политических партиях» 2001 года: после того как партиям было предписано иметь не менее 10 тысяч членов и региональные отделения численностью не менее 100 членов более чем в половине субъектов Российской Федерации (ФЗ «О политических партиях», 2001, ст. 3), малочисленные коммунистические организации оказались за пределами легального электорального поля. Перечни партий, которые прошли регистрацию, и список объединений, которым в ней отказали по состоянию на 30 января 2003 года, сохранились в справочных материалах Минюста России (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 1113). Полемика при этом не прекратилась и переместилась в идеологическую сферу: в критических публикациях газет «Гласность», «Молния», «Патриот», «Трудовая Тюмень» по поводу статьи «КПРФ и религия» и в ответных материалах упреки в отходе от марксизма-ленинизма сохранялись, но уже не подкреплялись организационным ресурсом (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 474, 839). Показательно и то, что в 2004 году новая структура-конкурент – Всероссийская коммунистическая партия будущего – возникла уже не из осколков КПСС, а из раскола внутри самой КПРФ (РГАСПИ, ф. 813, оп. 1, д. 1127).

Обобщая, исход конкуренции можно объяснить сочетанием четырех обстоятельств. Первое – правопреемство: по решению Конституционного Суда 1992 года КПРФ получила юридическое основание, которого у конкурентов, поскольку они создавались как новые партии, принципиально не было. Второе – организационная сеть: благодаря первичным территориальным организациям, которые удалось сохранить, партия была представлена в большинстве регионов, тогда как ВКПБ, РКРП и РПК опирались на локальные активы в отдельных промышленных центрах. Третье – парламентское представительство: благодаря ему партия получала доступ к аппаратным, информационным и финансовым ресурсам и становилась необходимым партнером для любой коалиции слева. Четвертое – изменение правового режима партийного строительства на рубеже 1990-2000-х годов, после которого прежнее положение приобрело институциональную форму. Идейные разногласия при этом не были фиктивными, однако их роль оказалась производной: ими можно объяснить, почему объединение не состоялось, но не то, почему победила именно КПРФ. Исследователи левого спектра отмечают, что маргинализация радикальных организаций в постсоветской России была связана с институциональными ограничениями и с приверженностью советскому опыту; именно эта приверженность препятствовала обновлению их повестки и сужала электоральную базу (Лебедев, 2006; Сергеев, Кузнецова, 2022; Ионов, 2025, с. 72-74). Применительно к нашему сюжету это означает, что альтернативные партии сохраняли устойчивое, но не расширяемое ядро сторонников. Одновременно и сама КПРФ, консолидировав коммунистическое поле, к концу 1990-х годов постепенно утрачивала характер внесистемной силы; впоследствии на этой почве возникли новые расколы уже внутри нее (Городничий, 2014, с. 181).

Заключение

Подводя итог, следует отметить: конкуренция КПРФ с альтернативными коммунистическими партиями на рубеже 1990-х годов представляла собой не идеологический спор, который разрешился бы победой более убедительной доктрины, а процесс перераспределения ресурсов – тех, что достались в наследство от прежней правящей партии, и тех, что возникли в новой институциональной среде. Общностью происхождения (все эти организации выросли из платформ и течений внутри КПСС и КП РСФСР 1990-1991 годов) объясняются и острота полемики, и невозможность ее разрешения средствами дискуссии, поскольку спор шел о праве представлять общее наследие. Расхождение стратегий осенью 1991 года – немедленное учреждение новых партий ортодоксальным флангом и судебное восстановление правопреемства будущей КПРФ – породило асимметрию, которая в дальнейшем последовательно нарастала: организационное преимущество конкурентов в 1992 году было временным, тогда как действие правового статуса, территориальной сети и парламентского представительства КПРФ оказалось кумулятивным. Результатами выборов 1995 и 1999 годов это соотношение было закреплено, а с принятием законодательства о политических партиях в 2001 году оно приобрело институциональную форму.

Отношения сторон при этом не сводились к противостоянию: по документам известны совместное участие в «деле КПСС», переговоры о поддержке единого кандидата в 1996 году, взаимный обмен программными

материалами. КПРФ рассматривала «коммунистическую многопартийность» как управляемое состояние, оформив соответствующую позицию на уровне проекта постановления ЦК в 1999 году, а не как задачу, которую следует немедленно решить путем слияния. Сопоставление архивных документов с официальной электоральной статистикой и справочно-аналитическими изданиями 1990-х годов подтверждает эту картину и вместе с тем показывает, что многие документы фонда В. И. Зоркальцева фиксируют переговорные позиции сторон, а не окончательные договоренности.

Перспективы дальнейшего изучения темы связаны прежде всего с расширением источниковой базы. Выводы исследования можно будет проверить на региональном материале при систематическом обращении к фонду КПРФ (РГАСПИ, ф. 665), к региональным архивам, где отложились документы местных организаций партий-конкурентов, а также к партийной периодике альтернативного фланга; тогда же удастся уточнить, насколько эта федеральная модель конкуренции воспроизводилась на уровне субъектов Российской Федерации.

Материалы исследования | Research materials

1. АПЦ – Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Ф. 7 (Аппарат Президента Российской Федерации). Оп. 1.
2. Бюллетень ЦИК, 1994 – Бюллетень Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 1994. № 1 (12).
3. Выборы, 1996 – Выборы депутатов Государственной Думы. 1995: электоральная статистика. М.: Весь мир, 1996.
4. Выборы, 2000 – Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 1999: электоральная статистика. М.: Весь мир, 2000.
5. ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10026 (Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы). Оп. 1, 3.
6. КПРФ в резолюциях, 2006 – Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1992-2005). М.: ИТРК, 2006.
7. Левые в России, 1997 – Тарасов А. Н., Черкасов Г. И., Шавшукова Т. В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М.: Центр «Панорама», 1997.
8. Материалы дела, 1996-1997 – Материалы дела о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР: в 6 т. М.: Спарк, 1996-1997.
9. Постановление КС РФ, 1993 – Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г. № 9-П по делу о проверке конституционности Указов Президента Российской Федерации от 23 августа 1991 г. № 79, от 25 августа 1991 г. № 90, от 6 ноября 1991 г. № 169 // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1993. № 1.
10. Программа ВКПБ, 1993 – Программа Всесоюзной коммунистической партии большевиков // Путь к многопартийности: сборник документов государственных и общественных организаций. Челябинск: ЧГУ, 1993. Ч. 2.
11. Программа КПРФ, 1995 – Программа Коммунистической партии Российской Федерации: принята III съездом КПРФ 22 января 1995 г. // Электронная библиотека исторических документов. https://docs.history-russia.org/ru/nodes/74967
12. Программа РКРП, 1993 – Программа Российской коммунистической рабочей партии // Путь к многопартийности: сборник документов государственных и общественных организаций. Челябинск: ЧГУ, 1993. Ч. 2.
13. Программа СКП-КПСС, 1995 – Программа Союза коммунистических партий – КПСС: принята XXX съездом СКП-КПСС 3 июля 1995 г. (с уточнениями и дополнениями XXXIV съезда СКП-КПСС 24 октября 2009 г.) // СКП-КПСС. http://skpkpss.ru/56586-2/
14. РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 89 (Документы, рассекреченные Специальной комиссией по архивам при Президенте Российской Федерации в 1992-1994 гг.: коллекция копий). Оп. 1-76.
15. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 665 (Коммунистическая партия Российской Федерации). Оп. 1-2. Ф. 813 (Коллекция документов из личного архива В. И. Зоркальцева). Оп. 1. Д. 47, 51, 53, 57, 58, 68-71, 105, 113, 116, 134, 155, 161, 164, 167, 168, 173, 186, 195, 198, 199, 206, 233, 462, 474, 625, 655, 699, 818-827, 839, 1067, 1088, 1113, 1116, 1127.
16. ФЗ «О политических партиях», 2001 – О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (первоначальная редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

Источники | References

1. Абзалбеков Б. С. Особенности становления партийной системы современной России: политологический обзор // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4.
2. Волгин Е. И. Проблема департизации в России в начале 1990-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2014. № 4.
3. Волгин Е. И. Проблема департизации как фактор политического давления на КПРФ в 1990-е гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 4. https://doi.org/10.18384/2310-676X-2022-4-91-103

4. Волгин Е. И. Проблемы разработки законодательства о политических партиях в РФ (1990-1993) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2017. № 5.
5. Гизатулин Р. Р. Коммунистические партии и организации в политической жизни Российской Федерации: 1993-2004 гг.: дисс. ... к. ист. н. М., 2006.
6. Городничий А. Г. Коммунистическая контрэлита как ведущее звено левой контрэлиты в современной России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21.
7. Ионов Д. Д. Специфика левого политического спектра в постсоветской России // Конфликтология / nota bene. 2025. № 2. https://doi.org/10.7256/2454-0617.2025.2.74086
8. Коргунюк Ю. Г. Современная российская многопартийность. М.: Фонд «ИНДЕМ», 1999.
9. Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М.: ЦППИ «ИНДЕМ», 1996.
10. Лебедев И. В. Идеологический фактор в партийном строительстве Российской Федерации в 1992-2003 годах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Т. 7. № 21-2.
11. Майоров Г. А. Специфика взаимоотношений КПРФ с компартиями бывших союзных республик в период 1991-1995 гг. // Манускрипт. 2026. Т. 19. Вып. 2. https://doi.org/10.30853/mns20260092
12. Мочалов Д. П. В поисках перспективы: анализ литературы о положении российских коммунистических партий в период 1991-1993 гг. // Клио. 2025. № 8 (224). https://doi.org/10.24412/2070-9773-2025-8224-24-29
13. Мочалов Д. П. Коммунистические партии и движения в период 1991-1992 гг. (по материалам архива Президентского центра Б. Н. Ельцина) // Клио. 2024. № 9 (213). https://doi.org/10.24412/2070-9773-2024-9213-153-159
14. Мочалов Д. П., Магомедов Р. Р. Изъятие имущества КПСС на территории Российской Федерации как фактор политической жизни 1991-1992 гг. // Современная научная мысль. 2023. № 4. https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-4-121-129
15. Сергеев С. А., Кузнецова А. В. Осколки разбитого вдребезги: неотроцкисты и неосталинисты в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2022. Т. 18. № 2. https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.204
16. Стожек С. В. Ортодоксальные коммунистические организации и «шоковая терапия», 1991-1992 гг. // Ветер Перестройки. 2024. № 1.
17. Тарасова Е. А. Фронт национального спасения как массовое общественно-политическое движение в России в 1992-1993 гг. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. № 14.
18. Фадеева Л. А., Думлер Д. А. Фактор Зюганова в партийной трансформации КПРФ // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.7
19. Черняховский С. Ф. Противоречивость коммунистической оппозиции в современной России. М.: Изд-во МНЭПУ, 2003.
20. Шутов А. Ю. Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 5.
21. March L. The Communist Party in Post-Soviet Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002.
22. Urban J. B., Solovei V. D.Russia's Communists at the Crossroads. N. Y.: Routledge, 2021. https://doi.org/10.4324/9780429497483

Информация об авторах | Author information

RU

Майоров Георгий Александрович[1], к. экон. н.
Костриков Станислав Сергеевич[2], к. ист. н.
[1, 2] Государственный университет управления, г. Москва

EN

Georgy Aleksandrovich Mayorov[1], PhD
Stanislav Sergeevich Kostrikov[2], PhD
[1, 2] State University of Management, Moscow

[1] *maiorov.7575@mail.ru,* [2]

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.09.2026; опубликовано online (published online): 09.11.2026.

Ключевые слова (keywords): Коммунистическая партия Российской Федерации; коммунистическая многопартийность; Российская коммунистическая рабочая партия; Всесоюзная коммунистическая партия большевиков; левая оппозиция; Communist Party of the Russian Federation; communist multi-party pluralism; Russian Communist Workers' Party; All-Union Communist Party of Bolsheviks; left-wing opposition.